

Г. П. МАКОГОНЕНКО

ПУШКИН И ДЕРЖАВИН

Тема «Пушкин и Державин» является частью большой историко-литературной проблемы — пути и особенности преемственного развития литературы. В данном случае общее должно проявить свои закономерности в конкретном.

Впервые с подлинно исторических позиций эта тема решалась Белинским в его монографической работе о Пушкине. Ставя общие вопросы преемственности, Белинский так определял конкретную задачу изучения творчества Пушкина: «Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже прозревали в живую связь его с прошедшим и настоящим русской литературы».¹

В соответствии с этим убеждением критик свое изучение Пушкина начинает с Державина, предупреждая читателей, что ранее написанная им статья о Державине, в связи с выходом его сочинений, является «началом статьи о Пушкине».

Поставленная Белинским проблема получила дальнейшую разработку в трудах последующих поколений историков литературы. С наибольшим успехом она разрабатывается советскими литературоведами. Это связано прежде всего с тем, что именно советское литературоведение заново открыло литературу XVIII в., повело ее изучение с позиций историзма. Много сделано, в частности, в выработке нового понимания поэзии Державина, подлинного новаторства Державина, значения его художественных открытий для последующего литературного развития. В этой связи должны быть отмечены работы Г. А. Гуковского.

Тема «Пушкин и Державин» так или иначе ставилась многими пушкинистами. С большой полнотой она разрабатывалась

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 106.

Б. В. Томашевским, Д. Д. Благим, Б. П. Городецким. За несколько десятилетий пушкиноведением сделано много: собран большой материал, характеризующий конкретные формы «живой связи» пушкинской поэзии с поэзией Державина, рассмотрены и изучены многочисленные прямые суждения Пушкина и его оценка «гения Державина», определена позиция Пушкина в той литературной борьбе, которая шла в 1810—1820-х годах вокруг прославленных «авторитетов» между староверами и представителями нового, романтического направления.

Каковы итоги сделанного? Как можно определить направление исследования темы «Пушкин и Державин»? К чему практически привела разработка этой темы?

Во-первых, рассмотрены и многократно описаны личные контакты двух писателей (встреча в Лицее на экзамене; заступничество Державина перед Разумовским: «Оставьте его поэтом»).

Во-вторых, произведено почти фронтальное сопоставление поэтических произведений Пушкина 10—20-х годов с державинскими и установлены, как выражаются пушкинисты, многочисленные «соответствия», сознательные или бессознательные включения Пушкиным в свои произведения отдельных стихов, слов или образов Державина.

Как же решен вопрос о значении опыта Державина для Пушкина? В одной из последних работ, где широко исследуется эта тема (в книге Б. П. Городецкого «Лирика Пушкина»), об этом говорится так: «Исключительно своеобразная роль Державина в процессе становления и формирования поэтического мира молодого Пушкина еще не оценена по достоинству. Внешне это выражалось не только известным эпизодом на январском лицейском экзамене 1815 г., но и многочисленными созвучиями с Державиным в лицейской лирике Пушкина, повторением отдельных его строк, выражений, внутренней цитацией и пр., вплоть до навеянных Державиным самостоятельных пушкинских художественных образов».²

К сожалению, это признание справедливо: исследование своеобразия роли Державина в процессе становления поэтического мира даже молодого Пушкина часто подменяется установлением «соответствий» и «созвучий», которые свидетельствуют чаще всего лишь об отличном знании Пушкиным своих предшественников, в частности Державина, и не более того.

² Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 42.

Даже когда говорится о воздействии на молодого Пушкина державинского представления о вдохновении, о высокой роли поэта или о преемственности Пушкина от Державина в описании осени и зимы — речь в конечном счете сводится к установлению все тех же «соответствий», «созвучий», реминисценций.

Белинский, как помним, ставя вопрос теоретически, требовал объяснить причины «живой связи» Пушкина с прошлым, в частности с Державиным, объяснить, опираясь на историю, закономерность наследования и продолжения традиции. Фактически же изучение темы пошло по линии эмпирической, по линии *накопления*, но не *объяснения* фактов. Эта позиция исследователей в свою очередь требует объяснения.

Обращает на себя внимание то ограничение темы «Пушкин и Державин», которое мы наблюдаем, знакомясь с работами, ей посвященными, ограничение строго определенными хронологическими рамками. Практически изучается не тема «Пушкин и Державин» в целом, а отношение *молодого Пушкина* к Державину в пору формирования его дарования — с 1814 по 1825 г.

Тем самым обращение Пушкина к Державину мотивируется ученичеством молодого поэта. Установленный богатый сравнительный материал «созвучий» подтверждает тезис об искании поэтом своего пути, когда отсутствие самостоятельности создавало возможность отталкиваться от чужих образов, цитировать понравившиеся стихи и т. д.

Отношение Пушкина к Державину при таком подходе теряет свою индивидуальность, свою особенность, ибо одновременно исследуется отношение Пушкина в те же годы к другим поэтам, устанавливаются многочисленные «созвучия» его поэзии с творчеством Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Давыдова и многих других... Державин теряется в толпе других поэтов, не выясняется, как относился Пушкин к особому, державинскому, видению мира и принципам его художественного изображения, его эстетическому новаторству, как понимал его роль в великом историческом сближении литературы с действительностью. Эти вопросы не изучаются, или обходятся, или топаются в эмпирических фактах «соответствия».

Чем объясняется такое хронологическое ограничение темы и сведение ее к установлению «созвучий»? Понять эти причины необходимо, ибо в таком понимании темы и принципов ее исследования проявился не субъективный произвол историков литературы, а ее обусловленность и мотивированность определенной историко-литературной концепцией. Прямо эта концепция не сформулирована в работах, посвященных данной

теме, но она довольно отчетливо просматривается. Суть ее сводится к следующему: Пушкин — основоположник и зачинатель русского реализма. Генетически реализм связывается с романтизмом: поскольку Пушкин начинал как романтик, то делается принципиальный вывод — реализм вырос из недр романтизма. Формирование Пушкина-романтика происходило также в недрах романтизма. Отсюда естественное овладение им опытом своих предшественников — поэтов-романтиков (Жуковского и Батюшкова) и поэтов-предромантиков. Державина рассматривают как поэта классика, в творчестве которого нашли отражение предромантические черты.

Отсюда закономерность обращения Пушкина к Державину в романтический период, отсюда установление «созвучий»: у поэта-романтика была традиция, были предшественники, и он опирается на их опыт, продолжая начатое до него. Иногда «созвучия» устанавливаются с Державиным-классиком («Воспоминания в Царском Селе», например) или поэтами-сентименталистами, но это не меняет общего положения, поскольку Пушкин в ученический период обращается к разным традициям, к эстетическому опыту тех направлений, которые предшествовали романтизму.

Вот почему к 1825 г., когда Пушкин становится реалистом, положение кардинально меняется. Основоположнику нового направления, по мысли историков литературы, уже не на что было опереться в прошлом, нечего было продолжать. Более того, на пути утверждения нового возникли препятствия, мешавшие ему. Главной опасностью были прославленные авторитеты, писатели прошлого, чуждые пушкинской поэзии действительности. Среди этих авторитетов оказывается и Державин.

Так перед поэтом якобы возникает новая задача: не установление традиций, а борьба с авторитетами, следовательно, и борьба с Державиным. Оттого, по словам одного пушкиниста, Пушкин «обрушивается» с поразительной смелостью на Державина, чтобы ниспровергнуть этот «кумир».

Предоставим слово Д. Д. Благому. Встав «на путь глубоко самобытного национального творчества», Пушкин почувствовал «потребность оглянуться назад», определить свои отношения с прошлым «нашей бедной словесности».³ Державин, эта «могучая фигура», — самый крупный его предшественник. Его авторитет был силен не только у староверов, но и у друзей-еди-

³ Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В кн.: Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. Гослитиздат, М., 1959, стр. 218.

номышленников — Дельвига, Кюхельбекера, Вяземского и др. Тем большую смелость, пишет Благой, проявил Пушкин, пойдя против общего мнения, начав бороться «со слабыми сторонами державинской поэзии».

В письмах Дельвигу и Бестужеву в 1825 г. Пушкин, по мнению Благого, сформулировал «свое окончательное мнение о Державине».⁴ Письма эти достаточно хорошо известны, и цитировать их нет нужды. Важно только заметить, что исследователь особо подчеркивает следующие слова Пушкина: «У Державина должно сохранить будет од восемь, да несколько отрывков, а прочее — сжечь». Эта мысль сопоставляется с другой — «кумир Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый» и делается вывод: «золото Державина» и составляют эти восемь од, которые устанавливаются на основе названий упоминавшихся Пушкиным в разное время понравившихся ему произведений: «Водопад», «Вельможа», «На смерть князя Мещерского», «На возвращение графа Зубова из Персии», две оды: к первому и второму соседу.

К «золоту Державина» относится и поэтическая «смелость некоторых описаний», которую ценил Пушкин.

Итог: в 1825 году Пушкин поверг кумир Державина. Им установлена ценность только 8 од («остальное сжечь»). Но и эти 8 од имеют лишь историческое значение, они в прошлом и для настоящего, а тем более будущего цены не имеют. Благой заключает свой вывод: «Пушкин до конца не откажется от данного им в 1825 году приговора Державину».⁵

Тем самым тема «Пушкин и Державин» фактически была закрыта. 1825 год — год вынесения Пушкиным приговора Державину. Этот приговор снимал с повестки дня изучение отношения Пушкина к Державину в последующее десятилетие. Подменяя вопрос о традиции и исторической преемственности вопросом о недопустимости повторять Державина, Д. Д. Благой пишет: «Пушкин справедливо считал, что державинский этап русской поэзии — навсегда пройденная ступень и что стремление задержать ее на этом этапе, сделать певца „Бога“ и „Фелицы“ своего рода эталоном, по которому следует равняться, является серьезной помехой ее дальнейшему движению вперед и тем самым играют реакционную роль».⁶

Другие исследователи так не пишут. Но и у них тема «Пушкин и Державин» ограничена теми же рамками — до

⁴ Там же, стр. 218, 219.

⁵ Там же, стр. 221.

⁶ Там же, стр. 218.

1825 г. Оценка Державина, данная в письмах Дельвигу и Бестужеву, — окончательная. Без лишних слов, но и они полагают, что зачинателю реализма не к чему оглядываться назад: там нет корней, там не закладывались традиции, которые можно было бы продолжать...

Такова схема, созданная пушкиноведением. И она характеризует не только отношение к Державину. Она определяет все понимание проблемы преемственности, касающееся Пушкина-реалиста. Поэтому то же ограничение темы — до 1825 г. — относится и к темам «Пушкин и Батюшков», «Пушкин и Дмитриев» и др.

Справедлива ли эта схема? Нет, не справедлива! Не справедлива потому, что противоречит фактам. А факты свидетельствуют, что в 1825 г. Пушкин не выносил окончательного приговора Державину, он не опровергал его кумир, но требовал его настоящей, подлинно исторической оценки, оценки именно с позиций побеждающего реализма.

Письмо Дельвигу и Бестужеву 1825 г. не закрывали тему «Пушкин и Державин», но открывали новый и более высокий этап решения проблемы преемственности вообще и преемственности от Державина к Пушкину в частности.

В настоящей статье трудно, да и невозможно более или менее подробно изложить суть отношения Пушкина к Державину в зрелый период — в 30-е годы прежде всего. Потому я ограничусь лишь постановкой вопроса, подтвердив его некоторыми фактами. Систематическое и углубленное исследование этой темы — дело будущего, и надеюсь, близкого.

Вот несколько опорных фактов.

Болдинская осень 1830 г. Пушкин среди других работ много внимания уделяет критике. Сохранилось несколько незаконченных статей. В них, в частности, говорится о художественных достижениях «нашей словесности», причем, судя по примерам, «наша словесность» — это литература нового времени, начала XIX в. Вот что пишет Пушкин: «Наша словесность с гордостью может поставить перед Европой „Историю“ Карамзина, несколько од Державина, басен Крылова, пеан 12 года и несколько цветов северной элегической поэзии...».⁷

Это мнение устойчивое, его Пушкин повторяет в других статьях. Здесь важно, что Державин для Пушкина не поэт прошлого, не певец «Бога» и «Фелицы»; его несколько од —

⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 167.

это «наша словесность», это достижения поэзии нового времени.

В той же статье «Опровержение на критики», отводя обвинение, выдвинутое критикой против «Графа Нулина» (безнравственность, демократизм, вульгарность языка), Пушкин свою творческую позицию мотивирует опытом предшественников — Фонвизина, Дмитриева, Державина. При этом он вспоминает «эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина». Так в опыт Пушкина входят анакреонтические песни Державина.

Статьи не были закончены, но тогда же был завершен роман «Евгений Онегин». В 8-й главе появились два, ставших хрестоматийно известными, стиха:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Обычно это комментируется прямолинейно биографически: имеется в виду лицейский экзамен в январе 1815 г.

С этим трудно согласиться. Начало 8-й главы носит программный характер: Пушкин определяет свой творческий путь в свете опыта последних событий — движения дворянских революционеров. И Пушкин открыто заявляет о своих связях с декабристами. Второй важной мыслью этих первых строф является мысль о его, Пушкина, преемственности. Вторая строфа, где говорится о Державине, дана не полностью: в ее полном тексте вслед за Державиным говорится о Дмитриеве, Карамзине, Жуковском. Это лишний раз свидетельствует не о биографическом, а историко-литературном характере этой строфы. И тот факт, что Пушкин убрал имена других писателей и оставил одного Державина, лишь подчеркнул и укрупнил его мысль. «Заметил» и «благословил» — это точное обозначение преемственности, традиции. То обстоятельство, что передача эстафеты произошла при личной встрече, придавало этому событию лирическую окраску.

Публичное признание, что он, Пушкин, принял благословение Державина, было первым в 30-е годы принципиальным выступлением поэта на тему о своих традициях.

В последующие годы Пушкин будет с особой настойчивостью мотивировать свою творческую практику опытом своих предшественников, и Державина прежде всего. Одним из методов проявления этого замысла станет эпитафия. Важнейшее стихотворение «Осень» открывалось эпитафией из «Жизни Званской».

Другой метод — прямая ссылка в художественном произведении на опыт Державина. Так сделал Пушкин в «Езерском»:

Допросом Музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов,
И похорон, сменивших пир.

Но это не только ссылка на авторитет Державина — здесь Пушкин отчетливо формулирует свое понимание природы художественного новаторства Державина: он открыл поэзию жизни действительной, стал изображать обыкновенное.

Величайшей заслугой Пушкина Гоголь считал высокое мастерство в изображении обыкновенного, подлинной жизни в ее истине. Причем подчеркивал: «...чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное, и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина».⁸

Это понимание художественного открытия Державина пришло не в «Езерском», а значительно раньше. Первая глава «Евгения Онегина» написана с учетом опыта Державина в изображении обыкновенного. Описание одного дня жизни Онегина с утра и до глубокой ночи непосредственно связано с первым в поэзии описанием одного дня жизни поэта в «Жизни Званской». В «Евгении Онегине» Пушкин подхватывал и продолжал традицию, в «Езерском» он обогащал ее, принципиально настаивая на преемственности. Это и был пересмотр наследия Державина, показ подлинного золота его поэзии, активно участвовавшей в создании новой литературы.

Не имею возможности подробнее остановиться в этой связи на «Езерском». Обращу лишь внимание, что ссылка на Державина носит принципиальный и развернутый характер — этому посвящено пять строф. Отстаивая право поэтов жизни действительной на изображение не «возвышенного предмета», а обыкновенного (не знатного героя, а «просто гражданина

⁸ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 54.

столичного»), Пушкин, беря в союзники Державина, утверждает свободу художника от «правил», от обязанности идти «дорогой» школы. Для истинного поэта «условий нет»:

Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечты златые...

Державин для Пушкина — поэт, «смелость» которого, так его восхищавшая, проявлялась не в отдельных выражениях, а в том, что он отказался идти по «дороге», указанной нормативной поэзией, искал и находил свои пути.

С Державиным «беседует» Пушкин при работе над двумя программными стихотворениями 1830-х годов «Осень» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». О связи двух «памятников» — Пушкина и Державина — писалось достаточно много. Характер ее в основном ясен. О державинском начале в «Осени» говорилось мало. Вот почему об этом следует сказать подробнее.

Обстоятельства жизни Пушкина в 30-е годы складывались трагически. Окованный «милостями» Николая I, поэт оказался принужденным жить в столице, поддерживать контакты со двором. Борясь за свободу и независимость, Пушкин вынашивал план бегства из Петербурга «в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Такой обителью в эти годы становилось Болдино. Всякий раз попадая в деревню, Пушкин работал много, легко и вдохновенно. В 1833 г. здесь и было написано стихотворение «Осень», посвященное творчеству.

Тема творчества — одна из важнейших в поэзии европейского и русского романтизма. Образ поэта в ней трактовался в духе философской концепции романтического идеализма. Поэт предстает жрецом и провидцем, отрешенным от всего земного, житейского, бытового. «Небесный дар» поэта отделяет его от толпы, от других людей. «Оракул истины» — существо особое по природе своей, лишенное конкретных черт живой личности поэта. Пушкин, создавший уже реалистический роман, реалистическую трагедию, реалистические повести, не мог принять ни романтической философии творчества, ни романтического образа поэта. Реализм обновлял и лирику, но реализм этот обретал свои особенные черты.

В «Осени» образ поэта был раскрыт конкретно, автобиографически. Пушкин — частный человек, со своей трагической судьбой, своими привычками, условиями жизни в деревенской глуши, и Пушкин-поэт — единая личность, для которой поэ-

зия — труд, форма деятельности, творчество, которое есть высшее проявление ее духовности. Традиционно высокое, надындивидуальное, очищенное от всякой «земности» дерзко предстало в «Осени» как обыкновенное. Обыкновенна жизнь Пушкина в помещицкой усадьбе, обыкновенна северорусская природа в пору своего увядания, обыкновенны не только любимые занятия Пушкина-человека («Ведут ко мне коня; в раздолии открытом, махая гривую, он всадника несет...»), но и обращение к творчеству Пушкина-поэта («И с каждой осенью я расцветаю вновь... И забываю мир — и в сладкой тишине я сладко усыплен моим воображеньем, и пробуждается поэзия во мне...»). Образ поэта дан в точно выписанном бытовом окружении, «пробуждение поэзии» предстает как проявление духовной деятельности данной личности, в обстоятельствах, мотивированных его жизнью. Оттого стихотворение насыщено буднично-бытовой лексикой, словами, которые сам Пушкин называл «прозаизмами». Но стихотворение не стало жанровой картиной жизни в Болдино. Произошло чудо — через быт неистовым светом засветилось бытие духа. Обыкновенное вдруг оказалось преображенным и предстало самой возвышенной поэзией. Эту особенность реалистического лиризма Пушкина отлично понимали его современники. Один из них так определил это чудо: «Читая Пушкина, кажется, видишь, как он жжет выжугу из обносков: в один удар тряпье в золу, и блеснит чистый слиток золота».⁹

«Осень» — одно из вершинных созданий Пушкина-лирика, важнейшая веха в развитии реалистической лирики. Но и это стихотворение имеет свои корни в предшествующей традиции. Пушкин сознательно подчеркнул это, взяв эпитафией стих из Державинской «Жизни Званской». «Жизнь Званская» — первый опыт в новом, идущем в русле «поэзии действительности», решении темы творчества и поэта. Именно здесь поэт раскрыт в своей биографической конкретности и бытовом окружении. Здесь истоки пушкинской способности, неоднократно подчеркивавшейся Белинским, делать поэтическими самые прозаические предметы. Тематическая близость «Осени» к «Жизни Званской» проявляется в том, что она является как бы описанием «Жизни болдинской».

Но пробывать тропу в неведомый мир новой поэзии нелегко. Печать ограниченности лежит на стихах Державина. Быт у него не переходит в бытие — он соседствует с поэтом,

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1950, стр. 457.

окружает его. Здесь указана возможность нового решения темы, но возможность не перешла в действительность. И все же «Жизнь Званская» и «Осень» — звенья одной цепи. Эпиграфом избран стих, с наибольшей изобразительной силой передающий возвышенное состояние духа поэта как обыкновенное проявление творческого дара державинской индивидуальности:

Но нет как праздника, и в будни я один,
 На возвышении сидя столпов перильных,
 При гусях под вечер, челом моих седин
 Склонясь, ношусь в мечтах умильных;
 Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Подхватывая державинскую мелодию, Пушкин пишет:

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно, — а я пред ним читаю,
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

Так Пушкин не декларациями, а самим творчеством проявляет живую связь с предшествующей традицией.

В 1836 г. для «Современника» Пушкин готовил статью «Путешествие В. А. Пушкина в Париж и Лондон» о шутовском стихотворении И. И. Дмитриева, которое он высоко ценил. Статья, к сожалению, не закончена. Но в ее первой части сжато и конспективно изложена дорогая Пушкину мысль об искренности поэта как условия рождения истинной поэзии действительной жизни. Вот что писал Пушкин: «Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенных яснейшей веселостью, искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...».¹⁰

Вряд ли можно сомневаться, что в образе поэта, творчество которого запечатлело его живую душу «во всех состояниях» и «изменениях»: и в печали, и в радости, в парениях восторга и в досаде на соседа, поэта, девизом которого была искренность,

¹⁰ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 435.

столь драгоценная в истинном художнике, — Пушкин изобразил Державина. Пушкинское понимание искренности поэта, его представление о том, как этому требованию отвечал Державин, краткое, но точное определение особенностей таланта дорогого его сердцу поэта — все это должно стать предметом специального и тщательного исследования.

В 30-е годы Пушкин по-прежнему считал, что «гений», «кумир» Державина еще не оценен по справедливости критикой. Но теперь он уже не упрекал критику, а, встав на позиции историзма, сам принялся за труд установления преимущества с теми писателями, которых считал своими предшественниками. Это он делал как историк литературы, поэтому он писал статьи о Крылове, Фонвизине, Радищеве, Дмитриеве, в критических статьях мотивировал свою эстетическую позицию ссылками на опыт и авторитет Державина и других писателей. В 1834 г. он задумал написать статью об основных этапах развития русской литературы XVIII—начала XIX в. Статью эту Пушкин не успел написать, но оставшийся план заслуживает самого тщательного изучения.

К 1836 г. Пушкин уже отчетливо определил свое отношение к предшественникам и прежде всего к Державину, к русской традиции победившего направления «поэзии действительности», выработал программу подлинно исторической оценки и переоценки наследия крупных писателей XVIII и начала XIX в. Представление об этой программе, поскольку Пушкин не успел реализовать своего замысла, дает статья Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанная в первом томе «Современника» за 1836 г. Известно, что статья эта писалась с одобрения Пушкина, что он читал ее до сдачи в набор, что Гоголь вносил поправки, которые делал редактор, любимый писатель и учитель. Именно поэтому, напечатанная без подписи, она справедливо всеми расценивалась как программа пушкинского журнала.

В статье был поставлен вопрос о необходимости объективно оценивать не только историческое значение наследия талантливых писателей прошлого, но и определять их роль в развитии современной литературы: «Вышли новыми изданиями Державин, Карамзин, гласно требовавшие своего определения и настоящей верной оценки так, как и все прочие старые писатели наши, ибо в литературном мире нет смерти, и мертвецы также вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые. Они требовали возвращения того, что действительно им следует; они требовали уничтожения неправого обвинения,

неправого определения, бессмысленно повторенного в продолжении нескольких лет и повторяемого донныне».¹¹

Упрекая критику, Гоголь писал: «Никогда почти не стоят на журнальных страницах имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о влиянии их, еще остающемся, еще заметном. Никогда они даже не брались в сравнение с нынешнею эпохою, так что наша эпоха кажется как будто отрублена от своего корня, как будто у нас вовсе нет начала, как будто история прошедшего для нас не существует».¹² Намеченная Гоголем программа историко-литературного изучения и решения проблемы преемственности выростала из обобщения реальной практики Пушкина, всем своим творчеством постоянно подчеркивавшего, что у новой литературы есть «начало» и «корни».

Установление традиций бурно развивающегося в 30-е годы реализма остро осознавалось не только самими «поэтами действительности», Пушкиным и Гоголем, но и критиками. В статье 1835 г. «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский связывает творчество Гоголя и с Пушкиным, и, шире, — с европейской традицией, с тем направлением, которое он устойчиво будет называть «новейшим искусством». Выясняя исторические и общественные условия, которые определили рождение нового идеала человека как личности, нового понимания действительности и новых задач литературы — открывать и воссоздавать поэзию самой жизни, Белинский обратился к эпохе Возрождения. Именно эта эпоха, по его убеждению, и была колыбелью «новейшего искусства». Творчество Шекспира, по Белинскому, стоит в начале литературного движения, утвердившегося позже как «поэзия действительности»: «Он был яркою зарею, торжественным расцветом эры нового, истинного искусства».

Рассматривая исторические условия формирования «нового искусства», Белинский не отделяет западную литературу от русской. Для него очевидна общность художественного метода Шекспира и Пушкина, общность путей рождения нового понимания человека и действительности. Поэтому русская поэзия действительности не выростала у него из романтизма. Она оказалась порожденной ходом общественного, социального и исторического развития. К русскому же направлению «поэзии действительности» относились не только Пушкин и Гоголь,

¹¹ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 172.

¹² Там же, стр. 174.

но и Крылов, Грибоедов, лучшие, исполненные оригинальности стихотворения Державина.

Изучение темы «Пушкин и Державин» помогает понять, что живая жизнь литературы богаче и содержательнее сложившейся историко-литературной схемы. Это изучение восстанавливает не только подлинную картину сложных живых, глубоко индивидуальных связей Пушкина с художественным опытом Державина, но и открывает нам контуры его историко-литературной концепции. Пройдя через романтизм, учитывая его художественные достижения, осваивая его богатства, Пушкин в то же время, как видим, подчеркивает, что у «поэзии действительности» иные корни, что она не рождалась в недрах романтизма. Тем самым изучение проблемы преемственности и, в частности, проблемы отношения Пушкина к Державину должно помочь нашей науке в ее спорах о начале реалистического искусства в России.
